

Если я не сдержу своего слова, ты можешь снова запереть меня.

По словам Цзюцяньсуя, на меня действительно действовал упомянутый Линь Ван гу, но она в основном блефовала.

Никто не обладал предвидением будущего. Когда Его Королевское Высочество освободил меня из особняка Шуньван, он считал меня всего лишь брошенной пешкой, которая была использована почти досуха. Его первоначальная цель послать Линь Ван также заключалась не в общении со мной, а скорее в том, чтобы помешать Цзюцяньсюю вытянуть из меня какие-либо секреты, которые он не должен был знать, путем незаметного устранения меня, прежде чем слова вылетят из моих уст.

Позже, после того как Линь Ван перевели на кухню, она потеряла возможность связаться со мной. Ее случайные поручения по доставке еды в главный зал позволили ей стать свидетелем того, как я обедаю за одним столом с Цзюцяньсуем, и услышать, как я обращаюсь к Цзюцяньсюю по его имени в присутствии врачей. Все это заставило ее прийти к выводу, что у меня, должно быть, близкие отношения с Цзюцяньсуем, поэтому она сообщила об этом Его Королевскому Высочеству. Его Королевское Высочество, будучи чрезвычайно подозрительным человеком и всегда опасавшимся Цзюцяньсуя, естественно, не мог игнорировать эту информацию. Итак, он намеренно нашел день, когда Цзюцяньсуй был занят, чтобы посетить особняк Дюгоней. Хотя он утверждал, что нанесет визит Цзюцяньсюю, на самом деле он пришел, чтобы проверить меня.

В тот день он вызвал меня к себе, чтобы проверить мою верность и... подсадить гу. Червь гу, очень тонкий, как прядь волос, был бесшумно выпущен, нежно коснувшись моей головы. Почти мгновенно он заполз ко мне в ухо, пока я оставался в полном неведении.

Однако причина, по которой искусство гу однажды потерялось в истории, заключалась в том, что оно заключалось не просто в передаче гу хозяину. Даже если кто-то вводил простейший кровососущий гу, хозяина сначала необходимо предварительно подготовить уникальными отварами Мяоцзян, чтобы подготовить организм к приему паразитического гу. Передающему гу также было необходимо ввести хозяина в гипноз во время процесса вторжения, чтобы помочь гу глубже проникнуть в тело хозяина.

Хотя во мне все еще накапливалось много неизлечимых ядов, которые делали меня слабым и немощным, без соответствующей предварительной подготовки моей конституции было достаточно только для того, чтобы червь гу был едва жив. Кроме того, прежде чем Его Королевское Высочество смог подвергнуть меня гипнозу, его внезапно прервало возвращение Цзюцяньсуя. Поскольку обе предпосылки для успешной установки гу не были выполнены, гу не смог проникнуть в мой мозг или извлечь жизненно важные питательные вещества для поддержания своей жизни, поэтому на данный момент он вошел в состояние покоя. Поэтому Цзюцяньсуй заверил меня, что Его Королевское Высочество в настоящее время не может манипулировать гу.

Я вспомнил дни, когда меня впервые запер Цзюцяньсуй. Был период, когда я слишком много спал и видел осознанные сны. Я предполагал, что это произошло из-за утомления от чрезмерных занятий любовью, и мне никогда не приходило в голову, что на самом деле это была реакция моего тела, вызванная вторжением гу. К счастью, Цзюцяньсуй вовремя заметил изменения во мне. Он неоднократно вызывал врачей, проживающих в особняке, чтобы осмотреть меня, пока я спал. Хотя процесс был непростым, в конечном итоге гу было обнаружено, и были тайно сделаны приготовления, не сообщая мне, чтобы вывести гу.

И причина, по которой Цзюцяньсуй приостановил прием моих отваров в тот период, заключалась не в том, что он был зол на мою встречу с Его Королевским Высочеством, а в том, что он беспокоился, что противоядие от ядов в моем теле взбудоражит гу и причинит мне вред...

История может показаться запутанной и невероятной, но после тщательного размышления я понял, что теперь каждая деталь имеет разумное объяснение. Я не мог не восхититься умом и находчивостью Цзюцяньсуя.

Что касается Линь Ван, Цзюцяньсуй опасался ее с того дня, как она вошла в особняк. Два раза, когда она проникла в спальню Дюгоня, чтобы поговорить со мной, велась прослушка и наблюдение тайными гвардейцами, которые всегда были рядом, чтобы защитить меня.

Поскольку я потерял всю свою подготовку в кунг-фу, для меня было естественно не замечать тайных гвардейцев, но я не мог понять, почему Линь Ван, человек, обладающий значительным внутренним культивированием, также не смогла их обнаружить.

Возможно, она была слишком уверена в себе. Ведь то, как она вела себя со мной, если красиво выразиться, можно было бы назвать показным, но, говоря прямо, она была откровенно глупа.

Единственный случай произошел, когда Линь Ван прямо выхватила кинжал, чтобы пригрозить мне. Цзюцяньсуй, казалось, раскаивался, тихо извиняясь передо мной. Я заверил его, что я не слабый и нежный цветок и мне не нужна тщательная защита во всех аспектах. Услышав мои слова, Цзюцяньсуй замолчал. После долгого молчания он снова заговорил:

«Если бы я вывел тебя из особняка Шуньван раньше, ты бы не утратил своего кунг-фу, и тогда мне не нужно было бы защищать тебя так пристально...»

Я не хотел переводить разговор обратно на Его Королевское Высочество, поэтому мог только покачать головой и сменить тему.

Узнав правду, я, несомненно, был глубоко разочарован безжалостной жестокостью Его Королевского Высочества. Однако мое обожание к нему на протяжении почти десяти лет не было ложным. Так как же оно могло просто исчезнуть в воздухе?

Все, что я мог сделать, это попытаться не заикливаться на этом и сосредоточиться на

настоящем, давая время постепенно смыть мои чувства.

Честно говоря, у меня не было уверенности в себе. За моей импульсивностью в ту ночь мои чувства к Цзюцяньсуй были больше связаны с беспокойством и прикосновениями, а не с любовью и привязанностью. Я был бесстрастен по натуре, и мое восхищение Его Королевским Высочеством уже истощило все мои эмоции, поэтому я не мог быть уверен, смогу ли я вообще влюбиться в другого мужчину снова.

Я знал, что Цзюцяньсуй тоже это заметил, но он ничего не сказал и не призывал меня немедленно отреагировать на его чувства.

Он лишь хвастливо напомнил мне, когда мы шли от горячего источника к его спальне: «Твой контракт жизни и смерти все еще со мной. Даже если ты не сможешь принять меня, я не отпущу тебя».

Хотя его слова звучали сурово, в его действиях не было соответствующей агрессии. Он мягко и уверенно уложил меня на кровать.

Один конец длинной цепи все еще был в конце кровати. Половина цепи висела над кроватью, а остальная часть свисала на пол. Мой импульс от наших признаний в горячих источниках еще не рассеялся, поэтому в этот момент у меня в голове внезапно мелькнула идея. Я протянул руку, поднял железные кандалы, от которых мне потребовалось так много времени, чтобы освободиться, и протянул их Цзюцяньсую.

«Дужу, положи цепь в безопасное место. Если я не сдержу своего слова, ты можешь снова запереть меня».

Я поднял голову и посмотрел на него, обнажая перед его взглядом все свои уязвимости, как и раньше.

Это был тот же жест, чтобы показать мои слабости, хотя мое мышление сильно отличалось от прошлого.

Я понятия не имел о том, что произойдет в будущем, и не был уверен, что смогу контролировать свою судьбу. Все, что я мог сделать, это заранее доверить эту власть Цзюцяньсую, чтобы исключить любую возможность того, что я его подведу.

Губы Цзюцяньсуй дрожали, он выглядел так, будто хотел что-то сказать, но, в конце концов, проглотил все ненужные слова и молча принял мое предложение: «...Хорошо».

Он стал особенно замкнутым, не только восстановил всю мою свободу в особняке, но и воздерживался от какой-либо близости со мной в постели. Он спрашивал моего согласия, прежде чем поцеловать, обнять или даже взяться за руки.

Хотя я никогда ему не отказывал.

Я пытался спросить его о том, как он наказал Линь Ван, но он не хотел много говорить. Он лишь туманно сказал мне, что выгнал ее из особняка Дюгоней и сохранил ей жизнь. Мне, как бывшему императорскому тайному гвардейцу, нетрудно было догадаться, что с ней произошло — ей как положено отрубили конечности или вырвали язык перед отправкой в ссылку. Цзюцяньсуй обращался со мной как с ребенком, отказываясь обсуждать детали.

Что касается Его Королевского Высочества, я не спрашивал.

В худшем случае он все еще оставался титулованным принцем. Самым неприемлемым сценарием для него было бы возвращение в свое заточение в особняке Шуньван. Цзюцяньсуй был способен оттолкнуть его от двора, но о его жизни не могло быть и речи. Если бы я спросил о Его Королевском Высочестве, я бы только усугубил постоянную неуверенность в сердце Цзюцяньсуя, так что это было совершенно ненужно.

Однако через день после посещения двора Цзюцяньсуй спонтанно упомянул, что Его Величество наконец определился с кандидатом на престол наследного принца — Второго принца, рожденного от Второй Императрицы¹⁰. Фактически он не мог считаться законным сыном императрицы, поскольку на момент его рождения бывшая императрица Юань была еще жива, а Вторая императрица в это время занимала лишь положение наложницы. (Прим: Вторая Императрица — вторая жена императора. Обычно император женится на новой даме или повышает наложницу до Второй Императрицы только после того, как предыдущая Императрица скончалась или была освобождена от обязанностей. В древнем китайском гареме женой, или Чжэнци, 正妻 (буквально «настоящая/настоящая жена») императора считается только императрица. Все остальные женщины императора — супруги или наложницы, они же Це, 妾. Только сыновья Чжэнци будут известны как Дичу, 嫡子 (законный сын жены), а остальные дети, рожденные от наложниц, будут известны как Шучу, 庶子 (дети супруг или наложниц, у которых еще есть некоторые права на престол). Кроме того, дети, рожденные от женщин, не состоящих в официальном браке с мужчиной, известны как Сишэнцзы, 庶生, и предположительно они не будут иметь никакого права на наследование или наследование престола.

Императрица Юань, 元后, — титул покойной императрицы)

Однако среди всех принцев, которые не пользовались благосклонностью императора, имели низкое происхождение или были просто слишком молоды, Второй принц действительно был наиболее подходящим кандидатом, если нужно было выбрать одного из них.

Я задавался вопросом, был ли Его Королевское Высочество сейчас в такой ярости, что не мог спать всю ночь, получив это известие. Это потому, что если бы не развлечения супруга Ань, он был бы гораздо более подходящим кандидатом на пост наследного принца. (Прим: Об этом упоминалось в главе 5, что супруга Ань имела роман с одним из своих охранников и была поймана другими наложницами, которые сообщили об этом императору)

Подобные мысли только проносились у меня в голове, прежде чем их отбросило. После всего, через что я прошла, у меня больше не было сил беспокоиться о нем, и я не хотел больше тратить свои силы ради него.

<http://bllate.org/book/14094/1239623>